

С. Г. Маслинская

НУЖЕН ЛИ ДЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ? (К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

В статье в историко-социологическом аспекте рассматривается становление советской детской литературы. Основное внимание уделяется формированию в критических и литературоведческих работах представления о «детском писателе» как агенте общего литературного процесса и попыткам создания типологий детских писателей. Вторым фокусом статьи является статус детской литературы как в отношении педагогической критики, так и общей литературы в период 1920 — начала 1930-х гг.

Ключевые слова: детский писатель, взрослый писатель, критика детской литературы, педагогический контроль, теория литературы, Н. Саввин, А. Покровская, К. Чуковский, С. Маршак, А. Иркутов.

Цеховое сознание советских детских писателей и внешний взгляд на них критиков — интересный и малоизученный предмет. В работах, посвященных становлению советского писателя, участники «детского цеха» обычно не рассматриваются [Добренко 1999], хотя очевидно, что авторы, писавшие для детей, составляли заметную группу в общем литературном процессе, особенно в первые два десятилетия после революции.

Определяя и переопределяя категорию «детский», сами писатели, критики и литературоведы 1920-х гг. рассуждали о специфике детского писателя в сравнении с другими типами писателей (взрослыми и массовыми / «низовыми», пролетарскими и крестьянскими), пытались распространить на авторов, пишущих для детей, рапповское ранжирование (писатель-попутчик, писатель-большевик, писатель-ударник), искали формулу писательского пути в детскую литературу и ухода из нее, конструировали внутрицеховую и внешнюю литературную репутацию детских писателей, на основе этих репутаций строили типологии и иерархии детских писателей (в хронологическом, региональном, институциональном и пр. аспектах) и т. д. В настоящей статье я обращаюсь к категории «детский писатель» в литературной, педагогической и писательской критике в так называемый «реконструктивный период».

Профессионализация писательского труда в сфере создания детской литературы началась во второй половине XIX в.: складывались писательские группировки, формировались журнальная сеть, система рекомендательной библиографии, институты критики и контроля в области детской литературы и детского чтения [Лучкина 2012]. Детская литература в этот период развивалась под отчетливым «взрослым» контролем: начиная с чиновников от просвещения и заканчивая педагогами по призванию. Педагогический дискурс сливался с государственным заказом, интуитивные эстетические предпочтения педагогов-критиков — с официальной религиозной и светской цензурой. В целом, литературная продукция для детей этого периода складывалась из результатов коммерческих усилий писателей-ремесленников и отдельных шедевров писателей «общей литературы». И те и другие не всегда были отягощены воспитательными установками, за что удостаивались дружной педагогической обструкции. Таким образом, в этот период детская литература находилась в значительной зависимости от внешнего социального поля — педагогического, диктовавшего свою систему анализа и оценки.

Только в первые два десятилетия XX в. теоретики детской литературы инициировали процесс автономизации — отмежевания от педагогической критики и шире властно-педагогического конструирования:

Только в девяностые годы произошел отрыв детского писателя от писателя-педагога, и детская литература стала идти от общей, от нее завися и от нее беря своих писателей. И тогда легче стало к детской книге применять художественную оценку и выяснять ее общественную стоимость: писатель-художник давал больше простора для этого [Саввин 1926, с. 4].

В начале века сложились социальные и культурные предпосылки отделения детских писателей от педагогов (рост числа детских писателей, развитие детского книжного и журнального рынка, ослабление цензуры, распространение грамотности среди детей, развитие массовой школы и библиотек, создание родительских сообществ и самостоятельных детских организаций и т. д.), в умах первых теоретиков детской литературы назрела идея обозначить и еще одну дистрибуцию: детских писателей от их «взрослых» коллег. Отношения детского и взрослого цехов трактовались критиками-литературоведами как иерархическая связь старшего брата и младшего, который «вовсе был дурак». Взрослые писатели аттестовались как «крупные» писатели, «художники чистейшей воды»,

«наши известные писатели», «серьезные писатели», а те, кто писали для детей: «новые писатели средней величины», «какой-нибудь невидный литератор», «кадр детских писателей не отличался большею многочисленностью и особою талантливостью»:

Если прежде считалось постыдным для серьезного писателя обращаться в автора произведений для детей, то девяностые годы — средостение и исполнилась заветная мечта Белинского¹: в рядах детской литературы появляются такие корифеи детской литературы, как Мамин-Сибиряк, и Станкович, давшие детям настоящие художественные произведения, которые с удовольствием прочтает и взрослый, и которые с полным правом могут быть названы классическими [Саввин 1905, с. 61].

Как видно, иерархия выстраивается Н. Саввиным по образцу общей литературы (есть корифеи, а есть и второстепенные авторы), при этом такая типология детских писателей оказывается открытой в сторону общей литературы: крупные величины приходят из взрослой (обратного движения не обнаруживается)². Подобное ранжирование свидетельствует о первых попытках конструирования круга детских писателей как сообщества *внутри* общей литературы, встраивании «детского» пантеона в общий национальный литературный канон, осваивания новой — эстетической, а не педагогической — парадигмы критики и оценки.

Эпоха модернизма выдвинула авторов, которые, исповедуя заповеди чистого искусства, смогли решительнее отстраниться от назойливого ока педагогов:

...преследуя задачи чисто эстетические, произведения модернистов, в отличие от литературы этического направления, большею частью совершенно чужды всяких моральных тенденций [Родников 1915, с. 197].

Эти писатели не были педагогами по призванию (как детский писатель Лев Толстой) и не были заинтересованы в создании собственной репутации в качестве исключительно детского писателя. А. Блок, К. Бальмонт, С. Городецкий и другие «корифеи модернизма» (Родников), сочинив и опубликовав по несколько стихотворений для детей, легитимировали эту отрасль писательской деятельности именно в глазах «взрослых» литераторов. Участие таких видных представителей модернизма в литературном процессе для детей привело к тому, что ряд исследователей в своих обзорах сочли возможным выделить их творчество в отдельное направление в детской (!) литературе — модернистское (у Чехова «художественно-модернистическое» [Чехов 1915], [Родников 1915], [Саввин 1926]). Продолжением этой ветви в развитии категории «детский писатель»

уже в 1920-е гг. стала фигура К. Чуковского — маститого критика, пришедшего по призыву Горького³ в детскую литературу в 1920-е гг. Не случайно, именно К. Чуковский столь внушительно воплотил небывалый доселе в детской литературе принцип двуадресности: этот прием был для него способом играть в свою взрослую игру и таким образом включать детскую литературу в поле интересов взрослых товарищей по цеху.

Еще в начале 1910-х гг. в работах ведущих теоретиков детской литературы (Н. Чехова и Н. Саввина) появляется уточняющая формулировка — «специально детские писатели» (1913):

Детская литература, в сущности говоря, насчитывает так немного специально детских писателей, то есть таких писателей, относительно которых критика единодушно согласилась бы в признании за ними крупного художественного значения [Саввин 1913, 1].

Ни Блок, ни Бальмонт здесь в виду не имелись. С точки зрения того же Н. Саввина такими качествами обладали Д. Мамин-Сибиряк и И. Шмелев. Впрочем, эти претенденты также не укладывались в прокрустово ложе «специально детских», так как писали и для взрослых. Тем не менее не очень подходящие примеры не отменяли главного: речь шла уже не о встроенной иерархии, а об автономном статусе детского писателя как такового в поле «чистой эстетики» и «художественных значений». В 1910–1920-е гг. на такую позицию могли (и хотели) претендовать немногие. Например, таковы после 1917 г. взгляды К. Чуковского, которого абсолютно не заботили педагогические идеи гражданского / идеологического воспитания, кроме разве что развития литературного вкуса и приобщения к классической русской литературе. Со всей очевидностью приоритетом Чуковского была эстетика, а не педагогика. Собственно за это он и подвергся гонениям партийных функционеров и педагогов — прямых наследников дореволюционных педагогических критиков и цензоров, озабоченных тем, чтобы обнаружить в детской литературе учительские и воспитательные функции (что в послереволюционном изводе означало агитационные и пропагандистские)⁴.

Раннему этапу критики и исследований детской литературы посвящено несколько авторитетных исследований, и остается только присоединиться к утверждению И. Н. Арзамасцевой: «Узловые моменты теории и поэтики попадали в поле зрения при разработке практической проблемы культуры — детского чтения» [Арзамасцева 2000, с. 129]. Иными словами, более всего в отечественной традиции в первое послереволюционное десятилетие освещались проблемы

детского чтения и детского читателя (социология детского чтения пережила свой расцвет как раз в этот период). А фигура детского писателя осталась на периферии критического и теоретического интереса.

В середине 1920-х гг. (1925–1928) окончательно формулируется заказ на новую детскую литературу, время модернистских и авангардных экспериментов в ней прошло. В этот период разрозненное и разношерстное сообщество детских писателей «пересобирается» заново: за счет организаторских усилий С. Маршака, направленных на поиски и окормление новых «специально детских писателей», за счет ухода из нее «бывших» и прихода в детскую литературу новой генерации авторов, поступательно выполняющих установки партийных и педагогических функционеров.

Начиная с 1924 г. директивы в области детской литературы следовали одна за другой, пестря речевыми формулами партийного критико-публицистического дискурса, дававшего широкий простор для педагогических интерпретаций. На почве вольных толкований этих постановлений и циркуляров разгораются известные дискуссии о сказке, пределах антропоморфизма, романтической героике, а типологические и исторические исследования фигуры детского писателя отступают, сжимаясь до номенклатурных директив «пролетарские детские писатели должны...». Эти дискуссии — знак полного и окончательного возвращения критики в руки партийных функционеров от педагогики, сотрудников Наркомпроса. Если до революции педагогическая критика в силу своей различной институциональной приписки имела хоть некоторое «необщее» выражение лица, то в середине 1920-х доминирующую позицию в этих дискуссиях занимают сторонники «нормативной поэтики», а правильное сказать, «номенклатурной поэтики» (Крупская, Свердлов, Флери-на и др.). Закономерно, что здесь обнаруживается теоретическая беспомощность номенклатурных педагогов вроде Н. Крупской и Е. Флериной, которые переносят приемы работы с детским читателем на детского писателя и оперируют демиургическими фразами, привычными для их габитуса воспитателей, — «вырастим нового детского писателя».

Такие воспитательские идеи в эти годы уже коррелировали с общими тенденциями литературного процесса: с официальным дискурсом о призыве в советскую литературу самоучек из рабочей и крестьянской среды, инфантилизацией «взрослого» советского писателя — с одной стороны, а с другой — приписыванием «взрослой» критике педагогических функций по отношению к «взрослым» писателям⁵.

Таким образом, вопрос, которым в 1927 г. задались «взрослые» теоретики (Б. Эйхенбаум) — как быть писателем, — применительно к детскому цеху уже не мог быть решен в сугубо филологических или хотя бы эстетических рамках (во взрослой литературе, впрочем, тоже). Во «взрослой» критике энергично конструируются писательские типы на базе социологических и идеологических критериев (самоучка, попутчик, ударник, пролетарский писатель, крестьянский писатель), создаются легитимные типовые биографии и вычерчиваются ободряемые и поощряемые траектории писательского пути (от рабкора к пролетарскому писателю) [Добренко 1999], вслед за взрослыми подтягиваются и «детские» критики, прилаживая «взрослый» категориальный и оценочный аппарат к детской литературе.

Основные усилия «детских» критиков прежде всего сосредоточены в персональной сфере: одних авторов ругают, других превозносят, через год уже снова ругают (характерные примеры представляет собой прямо противоположная оценка критиками творчества Бляхина, Григорьева и Остроумова, продемонстрированная на временном отрезке всего лишь двух-трех лет). Кульминацией персоналистского подхода к детскому писателю стала травля К. И. Чуковского в начале 1928 г. И вот, пожалуй, именно с этого момента можно отсчитывать новый этап советской критики детской литературы.

Если до марта 1928 г. все дискуссии велись в узком кругу экспертов в области детской литературы и публиковались на страницах педагогической печати, то с 1 февраля 1928 г. «сор был вынесен из избы»: в партийном печатном органе — «Правде» — Крупская публикует известную ругательную статью. 14 марта в той же газете появляется письмо в редакцию от 25 февраля 1928 г. за подписью Максима Горького. С этого момента детская литература вышла из тени. Ее снова заметили «взрослые» литераторы и критики (как писали в те годы, «наконец-то повернулись лицом к детской литературе»). И на протяжении всего «реконструктивного периода» детская литература продолжала находиться в зоне пристального внимания *общего* писательского сообщества и *общей* критики.

Симптоматично, что Н. Крупская републикует свою статью в том же месяце — феврале — под тем же названием в специализированном педагогическом журнале «Книга детям»⁶, органе Научно-педагогической секции Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР (председатель — Н. К. Крупская) [Крупская 1928]. В оглавлении номера имеется даже специальное редакционное уточнение: «Данная статья, помещенная в газете «Правда»

№27 от 1 февраля 1928 г., была одновременно получена редакцией журнала». Это дублирование свидетельствует, казалось бы, о случайности републикации и избыточности переноса дискуссии на страницы центральной партийной печати, но в действительности означает принципиально иной этап в истории советской критики детской литературы — партийно-литературный. С 1928 года, по словам Е. Добренко, «в сфере культуры власть оказалась в руках агрессивных групп, нацеленных на монополизацию культурного поля», «государственная институционализация» и «политическая инструментализация» критики привели к радикальному изменению ее статуса, превратив критику в инструмент государственной политической борьбы [История 2011, с. 145–146].

Записные критики детской литературы начинают обращаться к критическому аппарату критиков «взрослых». Например, в январе 1929 года при создании новейшей писательской типологии Борис Шатилов полностью воспроизводит терминологию и аргументацию противников формализма, включаясь в спор о «форме и содержании». В ноябре 1929 в уже упоминаемом журнале «Книга детям» он публикует статью «О “заповедях” Чуковского, о воскресении Лазаря и о прочем», в которой выделяет три группы писателей.

К первому типу писателей он относит «группу поэтов», которых принято называть «мастерами» и «художниками», которые продолжают «чирикать по-старому» и пишут «безразличные вневременные стишки и поэмы» [Шатилов 1929, с. 3–4]. Типичными представителями такого типа являются Чуковский и Маршак. Вторую группу составляет «молодежь», «не чувствовавшая особого почтения ни к Ершову, ни к Пушкину, пошла на приступ, но тотчас увязла в натурализме» [Там же, с. 4], а третью — те, кто приспособливает старые формы к новому содержанию: «у этих расторопных молодцов одеяло продолжало бегать, но попадало уже на завод или к Ленину. От этой незаконной связи старого с новым родились те убудки, которые носят название «гниусной чуковщины» [Там же]. Путь первых — от старой формы к новому содержанию, — по мнению критика, тупиковый. Путь вторых — от содержания к новой реалистической форме — прогрессивный. А третий просто недостоин того, чтобы о нем говорить.

Развенчивая формализм Чуковского и Маршака, критик сопоставляет детскую литературу и общую, уравнивая эстетические особенности обеих:

Приемы, которыми оперируют детские писатели, в большинстве случаев заемные, взяты напрокат или так безвкусны, что им не может быть места

во взрослой литературе. За такую фантастику, как «одеяло убежало», «Крокодил», «Сороконожки в калошах», за такой безвкусный антропоморфизм, как огонь, машущий руками, *во взрослой литературе освистали бы в два счета* (курсив мой. — С. М.) [Шатилов 1929, с. 7].

Детская литература проигрывает в этом сопоставлении, и попутно ей Борис Шатилов в качестве аргумента довольно залихватски трактует реализм литературных сказок, утверждая, что у сказок Гофмана, Рабле и Свифта есть «реальная основа», а в детской литературе он видит только «фантастику табачного дыма», которая «родилась в детской английской книжке, в детской же и останется». Мечта Белинского действительно сбылась: к детской литературе критик применяет мерку взрослой, ни о какой специфике, столь долго лелеемой педагогами, в том числе специфике фантастики, речь не идет.

В конечном счете, Борис Шатилов озвучивает отказ не только от наследия — старых форм английской книжки и русского детского фольклора, но и от учебы у классиков, которая в 1929 году была столь дискутируема в общей критике. Он призывает следовать 13-й заповеди Чуковского, которую он понимает как отказ от модернистской модели письма «хореев и кинематографа» — «вернутся лицом к жизни и начать писать плохо, но по-своему» [Шатилов 1929, с. 8]. Таким образом, спор о наследии и наследственности и учебе у классиков Б. Шатилов решает в тех же концептуальных рамках, что и взрослые критики [История 2011].

Овладение критическим аппаратом «взрослых» критиков сопровождалось институциональным встраиванием детских писателей во взрослые литературные организации. Артемий Халатов, заведующий Госиздатом РСФСР, публикует в том же номере журнала «Открытое письмо ВОАПП и всей пролетарской общественности», то есть обращается со страниц педагогико-критического журнала к членам «взрослой» писательской организации. Он сетует, что до последнего времени «вопросы детской литературы не были в поле зрения ВОАППа» (за исключением детской секции в ЛАПП) и предлагает создать «детские секции в МАППе и ряде других крупных организаций пролетарских писателей». Этим секциям, по его мнению, следует выявлять писателей «всерьез интересующихся творчеством для детей». РАППу следует «укрепить связь с Детским отделом Госиздата, выделив туда своих работников» [Халатов 1929, с. 2]. Таким образом, партийный функционер публично предлагает установить многоступенчатый партийный контроль над производством и печатью

детской литературы. Заметим, что среди названных институций нет Наркомпроса — надзор за детской литературой перепоручается писательским организациям, подконтрольным партийному аппарату.

Формулируя задачи по обновлению тематики, необходимости идеологизации в изображении капиталистического мира, созданию новых произведений для самых маленьких и пр., А. Халатов задается вопросом кадров и обращается к писательскому цеху:

Мы призываем пролетарских писателей помочь детской литературе выполнить эти задачи. <...> направить свое художественное слово и на создание литературы для детей, — литературы, способствующей воспитанию крепкой и надежной смены [Халатов 1929, с. 2].

Пролетарские писатели и критики живо отозвались на этот призыв. Детские секции были созданы в МАПП, ВОКП (Всероссийское общество крестьянских писателей) и других писательских организациях.

И уже в следующем месяце — 16 декабря и 30 декабря 1929 года — «Литературная газета» публикует дискуссию о ГИЗе и Маршаке (широко известный спор Кальм / Флериной с взрослыми и детскими писателями). «Литературная газета», кроме этого «принципиального спора» за Маршака, размещает на своих страницах отзывы читателей-рабочих о детской литературе, призывает ударников в детскую литературу, критикует содержание детских журналов, публикует коллективные письма писателей, содержащие обвинения в адрес своих коллег по цеху — «врагов советских детей», и ответные защитные петиции. В 1929 г. в «Литературной газете» в общей сложности вышло 13 статей о событиях в сфере детской литературы, в 1930-м — 12, не считая заметок. Преимущественно авторство этих статей и заметок принадлежало номенклатурным функционерам ГУСа и Госиздата и писателям. Показательно, что Д. Кальм отвечает на письмо писателей «Против лжи и клеветы» (общий список подписавших писателей: К. Федин, М. Казаков, Белых, Л. Пантелеев, Б. Лавренев, В. Каверин, М. Слонимский, В. Бианки, Л. Тихонов, Б. Житков, М. Зощенко, А. Самохвалов, Ю. Тынянов, Б. Пастернак) следующей филиппикой под названием «Факты и автографы»:

В этом письме, которое состоит из голословных утверждений, ничем не подкрепляемых, заслуживают внимание только некоторые подписи..., ибо они принадлежат некоторым талантливым попутчикам. Эти писатели по праву занимают первые места в нашей «взрослой» литературе, но являются случайными людьми в литературе детской и никак не могут считаться достаточно компетентными в вопросах детской книги. Их темпераментное вмешательство в кампанию,

поднятую «Литературной газетой», казалось бы, должно опираться не только на популярность имен.

Из каталога детских книг ГИЗа за 1929 год мы знаем, что К. Фединым, Б. Лавреневым, М. Зощенко, Ю. Тыняновым создано лишь по одной случайной книжке, не говоря уже о Б. Пастернаке, никак не проявившем себя в детской литературе [Кальм 1929, 2].

Из процитированного фрагмента видно, что, отбиваясь от упреков писателей в предвзятости и некомпетентности, критик выдергивает из списка подписей имена недетских писателей и отказывается им в праве голоса в споре о судьбах детской литературы.

Тем не менее уверенные в своих силах «взрослые» критики не приняли во внимание такую оценку своей компетентности. Если в «Литературной газете», подконтрольной РАППу, и «Комсомольской правде», печатном органе ЦК ВЛКСМ, в 1928–1930-х гг. разворачиваются споры о сегодняшнем дне детской литературы, в основном в форме персональной травли, то в толстых журналах методологические проблемы детской литературы обсуждались людьми, далекими от детской литературы и детской книги. Детская литература вовлекается в круговорот партийно-литературных дискуссий и политической борьбы: «взрослые» критики на страницах центральных и периферийных «взрослых» газет и журналов стали излагать свои соображения о детской литературе, детской книге и детском писателе. Детская литература втягивается в *общие споры о методе и литературе*, становится легитимным объектом общего критического процесса этого периода. Например, в рапповском журнале «На литературном посту» к детской литературе обратились Н. Чужак (Насимович), В. Жак (Яков Эльсберг), А. Караваева, М. Григорьев и др. Размышлять о детской литературе становится возможным во «взрослых» терминах «метода»:

Поругали Маршака, похвалили Маршака, опять поругали... А между тем ведь дело не в том же — плохой писатель Маршак или хороший. Плох или хорош *метод* (курсив мой. — С. М.) Маршака — вот что важно для детской литературы [Жак 1930, с. 77].

Дискуссии вокруг фигуры детского писателя в статьях опытных полемистов велись в привычном разоблачительном стиле «взрослой» критики: выделение чужих из ряда своих и сегрегация цеха на противопоставленные группы и персоны (попутчики, враги, союзники). Например, Николай Чужак называет свою статью об издательстве «Посредник» «Литература последышей» [Чужак 1928]. В. Жак в своей статье того же года шельмует детское творчество левовца Сергея Третьякова, серапиона Константина Федина,

молодогвардейцев Александра Жарова и Ивана Молчанова, утверждая, что они «снисходительно подхалтуривают, калеча детей нелепейшими произведениями» [Жак 1928, с. 51]. Очевидно, что здесь речь идет о сведении личных счетов, а не о «принципиальной критике». Детская литература становится новым ресурсом, чтобы сводить счета с конкурентами. В той же статье В. Жак дает новую типологию детских писателей:

- 1) круг способных и чутких писателей, накрепко осевших в детской литературе
- 2) писатели общей литературы
- 3) начинающие писатели, которые по пути в большую литературу забредают в детскую книжку
- 4) рвачи, дельцы, профессионалы-халтурщики от литературы.

По сравнению с Н. Саввиным или Б. Шагиловым ничего нового теоретик В. Жак не изобрел, разве что выделил четвертую категорию, которая размывает существо классификации, делит на своих и чужих. Общий пафос его размышлений свелся к далеко не новой формуле:

А пока — в стороне от проезжей дороги большой и серьезной литературы копошатся и что-то мастерят кустари-одиночки и пасынки литературы — писатели для детей [Жак 1928, с. 53].

Бранные характеристики не были чужды и «детским критикам», однако в устах взрослых критиков и на страницах официальной печати они приобрели больший вес. В течение 1928–1930 гг. «взрослые» критики на страницах педагогических и центральных периодических изданий упражнялись на тех, кто пишет для детей, в отрабатывании болевых ударов. Больше всех досталось К. Чуковскому и С. Маршаку, но и менее заметным ремесленникам пришлось туго. Известная рапповская «дубинка» крошила всех подряд: и спецов, и халтурщиков. Таким образом, вовлечение детской литературы во взрослую критику под видом поиска «квалифицированных кадров настоящих детских писателей», о котором заявила редакция «Литературной газеты» 30 декабря 1929 г., обернулся для детского писательского цеха неожиданным и непосильным «чутким вниманием» и последовавшей катастрофой.

Весь 1930 г. центральная литературная периодика публиковала обличения и разборы «прорывов» детской литературы. Приведу лишь несколько названий статей: «Кладбище литературных штампов», «Против авантюризма, приспособленчества и светлячков», «Прекрасной идее мешают срывы», «Зверушек пора сдать в архив»,

«Серьезный прорыв на литературном фронте», «Против “старушек” и “крокодилов”», «Восстание мертвых», «На фронте без перемен» и т. д.

В январском номере журнала «Книга молодежи» 1931 г. Иван Разин, заведующий отделом детской литературы издательства «Молодая гвардия», классифицирует детских писателей по тому, насколько они «пролетарские»:

Влияние пролетарских писателей в детской литературе еще очень ничтожно и борьба за гегемонию пролетарской детской литературы, о которой писала «Комсомольская правда», еще только начинается (курсив автора — С. М.).

Необходимо добиться, чтобы лучшие писатели общей литературы и в первую очередь пролетарские писатели широкой волной влились в детскую литературу. Нужно сломить то бюрократическое, невнимательное отношение, какое проявляют к детской литературе писательские организации. РАПП и МАПП занялись вопросами детской литературы, и остается ожидать, что они сумеют обеспечить борьбу за гегемонию пролетарских писателей, за четкую классовую линию во всей работе над детской книгой, за привлечение ударников-писателей в детскую литературу, за организацию нового прилива рабочих ударников в детскую литературу [Разин 1931, 114].

14 января 1931 г. Андрей Иркутов (Каррик), начинавший в 1919 г. с газетных фельетонов, а к 1931 году уже зарекомендовавший себя детский драматург, публикует заметку в «Литературной газете» под странным, звучащим старомодно названием «Нужен ли детский писатель?» Такой формулировки можно было бы ожидать в девяностых годах XIX века, когда необходимость фигуры «специально детского писателя» казалась проблематичной, но 1931 г., после развернутых определений что такое детский писатель и каким он должен быть, и обсуждения типологий писательского метода, такой анахронизм выглядел неожиданно. А. Иркутов утверждает, что детский писатель должен вырасти:

Мы думаем, что его у нас еще нет и настоящего подлинного детского писателя даст само подрастающее поколение. Важно, чтобы детский писатель, откуда бы он в детскую литературу ни шел, с первых шагов своей работы понимал, что от него требуется огромная специализация и сознательное закрепление себя за детской аудиторией [Иркутов 1931, с. 3].

Припоминая авангардистские идеи о детях как творцах своей собственной литературы, Андрей Иркутов инфантилизирует детского писателя, призывая «воспитывать детского писателя-специалиста». Он возвращает в поле критики педагогическое понимание отношений детского писателя и институтов власти: власть воспитывает, а писатели воспитываются. Таким образом, он заново отмежевывает детских писателей от взрослых, снова заговаривает о специфике

детского писательства, рассматриваемой вне общего литературного поля. Критик называет пришельцев из взрослой (именно так, подчеркивая возрастную критерий) «варягами», утверждая, что детская литература не столько нуждается в них, сколько в специалистах. Стремление настоять на специализации можно рассматривать как попытку установить изолированный status quo детского писателя, оградить его от общей литературы / критики и тем самым спасти.

Однако, несмотря на попытку А. Иркутова перекрыть «путь из варяг в дети», некоторые «общие» писатели воспользовались ненадежной индульгенцией детской ниши: в том же номере «Литературной газеты» было опубликовано открытое письмо Михаила Пришвина под названием «Ударник детской литературы»:

...я прошу «Молодую гвардию» до конца пятилетки закрепить меня исключительно на производстве детско-юношеской литературы с определенным ежемесячным заработком [Пришвин 1931, с. 3]

Очевидно, что размещение двух заметок в одном номере и на одной странице — не случайное совпадение. Это сигнал к повороту детской литературы вспять, в педагогическую нишу: один писатель предлагает спрятаться, другой публично заявляет, что он готов. Для Михаила Пришвина в 1931 г. детская литература — это уже действительно и убежище⁷, и попытка публично встроиться в конкурентную среду, которую создал Маршак, хотя к этому моменту М. Пришвин уже издал несколько детских книжек в издательстве Г. Ф. Мириманова и ГИЗе.

Опасения А. Иркутова и присяга М. Пришвина — знак «демобилизационных настроений» (А. Иркутов) как в среде детских писателей, так и в среде литераторов взрослых. На страницах взрослой критической печати не утихали споры о «детской песочнице» в общей литературе. Сначала ломались копыя вокруг первой конференции по детской литературе (2 февраля 1931 г.), потом спорили о критическом сборнике «Детская литература», вышедшем под редакцией А. Н. Луначарского. Его обсуждение — еще одно доказательство, что к детской литературе применяли партийные инструменты анализа.

Так, в органе Российской организации пролетарско-колхозных писателей — журнале «Земля советская» — М. Шишкевич в 1931 г., уже на закате этой организации, опубликовал рецензию «Литература для детей и оппортунистическая критика» [Шишкевич 1931]. На момент написания рецензии Михаил Шишкевич был уже известен как автор исторической повести «Иван Болотников» (1926), соавтор

сборника «Агит-суды» (1926) и хрестоматии «К новой стройке: рабочая книга по русскому языку» (1929), критик «Маталлиста» и «Читателя и писателя», публиковавшийся под псевдонимами Заурервейд, Нефедов и др. В своей рецензии Шишкевич напустился на сборник А. В. Луначарского. Авторам сборника приписываются совершенно недетские «асоциальные и аполитичные оценки»: Е. П. Приваловой, например, ставится в вину формалистический взгляд на замечательных «пролетарских и пролетарско-колхозных писателей П. Замойского, Н. Богданова, крестьянского писателя Каманина», так как она обвиняет их в «плакатности, халтуре, приспособленчестве, во всех смертных грехах» [Там же, с. 112]. Б. Бухштабу и А. Бармину также инкриминируется формализм. В своей рецензии М. Шишкевич приводит аналогию, страшноватую по тем временам:

Поистине — положение в литературе для детей и ее критика напоминает эпоху споров о пролетарской литературе, когда Троцкий и Воронский усиленно гальванизировали буржуазных и правопопутнических писателей, не желая или не умея видеть роста пролетарской литературы [Шишкевич 1931, с. 112].

Он применяет «взрослый» гамбургский счет к критике детской литературы, которой она доселе и не видывала в таких формулировках:

В книге есть марксистские и полумарксистские статьи. Но они теряются среди основных проблемных статей, написанных теоретиками-идеалистами и эклектиками. Формализм и в отдельных оценках субъективизм — таков критический стиль этих авторов. Марксистская фразеология пытается дымовой завесой окутать принципиальные позиции, опираясь на которые выступают эти критики [Шишкевич 1931, с.111].

Неудивительно, что в кругу специальных детских писателей возникли идеи о капитуляции с общего поля боя и попытки выпросить себе автономию. Самуил Маршак, впрочем, не услышал опасливого предостережения Андрея Иркутова. При поддержке «взрослого корифея» Горького, неизменно поддерживающего К. Чуковского и С. Маршака, со знаменем профессионализма в руках последний шел к Первому съезду писателей. Съезд закончился невиданным до тех пор апофеозом детской литературы (содоклад С. Маршака), но когда пена сошла, началась борьба не за карьеры и траектории, а за жизнь. Взрослым теоретикам и критикам стало не до детской литературы (в центральных органах печати перестали публиковаться статьи о детской литературе, в «Литературную газету» в 1935–1936 гг. иногда забредали К. Чуковский, Б. Житков, К. Паустовский).

И детская литература осталась у разбитого корыта — ее собственные теоретики и критики были обруганы и дискредитированы (А. Покровская, Е. Привалова, Б. Бухштаб и др.). У номенклатурного руля еще некоторое время (до смерти покровителя Горького) стоял С. Маршак, детский писатель и организатор детского писательского профессионального цеха, с его ангажированными концепциями детской литературы, сильно искаженными цеховой состязательностью, но вот ученых-литературоведов и критиков общей литературы, которые бы работали с детской литературой, не осталось.

В конечном счете, рядом с детской литературой не осталось никого «взрослого», и она снова ушла в свою местечковую журналистику (бюллетень «Детская литература» издавался с 1932 года критико-библиографическим институтом) и во внесциентистские рассуждения о пользе детской литературы и «могучей роли детского писателя в воспитании подрастающего поколения» заполнили страницы педагогических журналов и газет⁸.

Но за этой псевдонаучной педагогической риторикой, за этой стеной педагогической словесной шелухи, смогли найти свою нишу те, кто оказался в детской литературе во время большого террора. Общим местом стало рассматривать приход «взрослого» автора в детскую литературу как спасение от властного давления⁹. Думаю, что стоит рассматривать спасительность «детской песочницы» в разные периоды истории советской литературы, и в каждом периоде ее спасительный потенциал будет иметь свою специфику. С другой стороны, необходимо учитывать задачи, которые ставили себе те или иные писатели, приходя в детский цех: одни писатели пополняли номенклатурные кадры (Михалков), другие — «неудачники общей литературы и просто случайные люди» (Н. Саввин) становились видными и невидными писателями для детей (Бажов, Носов, Волков, Лагин). Для кого-то обращение к детской читательской аудитории стало способом сохранить статус советского писателя (Пришвин), кого-то это не спасло.

Принято говорить о «родовой травме» детской литературы — ее педагогическом происхождении (из образовательной книги). Если развивать эту метафору, то на рубеже 1920–1930 гг. отечественная детская литература пережила еще одну травму: неудавшуюся попытку самоопределиться по отношению к «общей» литературе. Общая литература на правах мачехи пожурела свою нерасторопную падчерицу, и в ответ — детская литература вернулась к своей нелюбимой

матери — педагогике. Поэтому утверждение И. Н. Арзамасцевой о «неполноте автономии детской литературы во второй половине 1930-х гг., обусловленное ее “срединным” положением между системами образования и воспитания, с одной стороны, и общей литературной, с другой, которые также подверглись внешнему прессингу, обусловило безысходность почти всякой борьбы, кроме отставания репрессированных сотрудников Детгиза» [Арзамасцева 2003, с. 133], нуждается в корректировке: детский писательский цех в большинстве своем сам выбрал себе убежище под крылом педагогики.

Примечания

¹ Пропуская многие частности, замечу, что основную интригу вокруг понятия «детский писатель» заложил Виссарион Белинский, который одновременно настаивал на том, что не существует специфики детского писателя — это любой человек, который пишет качественно, а с другой стороны, утверждал, что детским писателем «нужно родиться».

² Ср. аналогичные рассуждения 1927 г. А. К. Покровской: «Первоклассные писатели большой литературы редко интересуются писанием для детей. Сочинением детских книг занимаются преимущественно второстепенные и третьестепенные писатели, часто неудачники в общей литературе, или педагоги, не обладающие талантом художественности» [Покровская 1927, с. 5].

³ Возможно, участие Горького «в призвании Чуковского в детскую литературу» было несколько преувеличено в более поздний период. Так, очевидно завышенно выглядит преимущество Горький-Чуковский в авторитетном учебнике детской литературы, в котором Чуковский предстает молодым литератором перед бывалым Горьким: «Как мудрый наставник, Горький внимательно следил за ростом молодых авторов, помогал им советами, радовался их успехам, огорчался неудачам. Так, Горький вдохновил на творчество К. Чуковского, дал ему «путевку» в детскую литературу. Творческий контакт с Горьким помог Чуковскому определить главное направление его литературного пути. Благотворное влияние Горького сказалось на творчестве мастеров советской детской литературы — Гайдара, Маршак, Михалкова, Житкова, Ильина и многих других» [Чернявская 1984, с. 25]. На момент знаменитого «разговора в поезде» о «Крокодиле», известного по воспоминаниям Чуковского, Горькому было 48 лет, а «молодому автору» Чуковскому («ведущему критику эпохи» (Л. Троицкий)) — 34.

⁴ Более детально о встраивании К. Чуковского как детского поэта в новый критический и политический контекст см в: Савкина 2013.

⁵ На фоне педагогических ультиматумов о задачах новой детской литературы, опубликованных в печатных органах Наркомпроса, вышедшие отдельными изданиями в 1926–1927 гг. обобщающие труды Н. Саввина и Н. Чехова выглядят пыльными несвоевременными манускриптами, подводщими итог теоретическим исканиям 1910-х гг. в области уже поистине исторической поэтики детской литературы и ознаменовывают собой завершение теоретических филологических штудий, в том числе и относительно категории «детский писатель». В этих исследованиях уже не предпринимаются попытки анализа современного писательского сообщества, «замыкающими» становятся Мамин-Сибиряк, Станюкович и модернисты. В любом случае

в потоке дискуссий, разворачивающихся на страницах педагогических журналов, эти труды просто не были замечены. Закономерно, что книга главы Института детского чтения А. К. Покровской «Основные течения в современной детской литературе» (1927), посвященная обзору книжного потока современной детской литературы, полностью лишена попытки дать филологическую систематизацию по направлениям, типам писателей и т. п. — для А. К. Покровской «детская литература и детское чтение — самая затхлая область современной педагогики», педагогики чтения. Детская литература в 1924–1927 гг. снова становится объектом исключительно педагогического/политического внимания и стремительно теряет свою автономию в границах «литературного ряда». Подробно о дискуссиях в педагогической среде см [Путилова 1982, с. 44–79].

⁶ Об институциональной приписке, концепции издания и авторском составе см в: Сенькина 2012.

⁷ В августе 1930 г. вышла ругательная статья М. Григорьева, в которой он аттестовал писателя «эпигоном символизма» и осудил его «бегство в пантеизм от разрешения социальных проблем» [Григорьев 1930, с. 60].

⁸ Авторы советских учебников по детской литературе станут создавать и иерархии, и типологии детских писателей в послевоенное время по модели взрослой литературы, подтягивая туда Чернышевского, Добролюбова, Горького и других кофигеев взрослого советского литературного пантеона. В 1970-е гг. появится и свой собственный пантеон (Горький породил всех детских прозаиков, Маяковский — всех детских поэтов), восходящий к «общим» иерархам и старинной дихотомии «взрослые пишут лучше детских» (Н. Саввин). Но в историю общей литературы в советский период детские писатели не включаются.

⁹ См. несколько работ И. В. Кондаков о детской литературе как «убежище» [Кондаков 2008], [Кондаков 2010]. См. критику подобного подхода в [Балина 2013]. К слову, этот вектор «из взрослой в детскую» рассматривается несколько изолированно от других траекторий. Был и обратный путь: из детской во взрослую (Николай Чуковский, Владимир Муравьев), были и попытки писать «в оба адреса» (Сергей Ауслендер, Лев Гумилевский и мн. др.).

Источники

Григорьев М. Бегство в Берендеево царство: О творчестве Пришвина // На литературном посту. 1930. №8. С. 48–61.

Жак В. Бьем тревогу // На подъеме. Ежемесячный журнал критики и искусства Северо-кавказской ассоциации пролетарских писателей. Ростов н/Д. 1928. Кн. 9. Сентябрь. С. 50–53.

Жак В. Детская литература и метод диалектического материализма // На литературном посту. 1930. №19.

Иркутов А. Нужен ли детский писатель? // Литературная газ. 1931. 14 янв. С. 3.

Кальм Д. Факты и автографы // Литературная газ. 1929. 30 дек. С. 2.

Крусская Н. О «Крокодиле» К. Чуковского // Книга детям. 1928. №2. С. 13–16.

Покровская А. К. Основные течения современной детской литературы. М.: Посредник, 1927.

Пришвин М. Ударник детской литературы: открытое письмо М. Пришвина изд-ву «Молодая гвардия» // Литературная газ. 1931. 14 янв. С. 3.

Разин И. За пролетарскую детскую книгу // Книга молодежи. 1931. №12. С. 109–114.

Родников В. Детская литература. Киев: Книгоиздательство И. И. Самоненко, 1915.

Русская советская детская литература / сост. Я. А. Чернявская, И. И. Розанов. Минск, 1984.

Саввин Н. Наша детская литература: (Доклад прочитан 5 марта 1905 г. на заседании секции). Н. Новгород, 1905.

Саввин Н. Основные направления детской литературы [Л.]: Брокгауз–Ефрон, 1926.

Халатов А. Открытое письмо ВОАПП и всей пролетарской общественности // Книга детям. 1929. №4–5. С.1–2.

Чехов Н. В. Введение в изучение детской литературы: изложение лекций народным учителям на летних курсах по вопросам детской литературы и детского чтения. М.: Изд-во Тов-ва И. Д. Сытина, 1915.

Чужак Н. Литература последней // Печать и революция. 1928. №8. С.146–157.

Шатилов Б. О. «заповедях» Чуковского, о воскресении Лазаря и о прочем // Книга детям. 1929. №4–5. С.3–8.

Шишкевич М. Литература для детей и оппортунистическая критика // Земля советская. 1931. №8. С. 100–115.

Исследования

Арзамасцева И. Н. «Век ребенка» и русская литература 1900–1930-х годов. М.: издательство «Прометей» МПГУ, 2003.

Балина М. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей, 1920–1930-е гг. / сост. и ред.: М. Р. Балина и В. Ю. Вьюгин. СПб.: Алетейя, 2013. С. 7–19.

Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академ. проект, 1999.

История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: Новое лит. обозрение, 2011.

Кондаков И. В. Детство как убежище, или «детский дискурс» советской литературы // Какорея. Из истории детства в России и других странах. М.; Тверь. 2008. С. 138–167.

Кондаков И. В. «Убежище-2»: «Детский дискурс» советской литературы в 1930-е годы // Ребенок в истории и культуре // Труды сем. «Культура детства: нормы, ценности, практики». М.: Библиотека журнала «Исследователь / Researcher», 2010. С. 70–117.

Лучкина О. Силуэты руководителей детского чтения: священник, министр, генерал и император // Детские чтения 2012. №2. С. 115–135.

Путилова Е. О. Очерки по истории критики советской детской литературы (1917–1941). М.: Детская литература, 1982.

Савкина И. «Для таких людей, как он, убеждения не нужны» (левое/правое, идеология и культура в дневниках Корнея Чуковского 1920-х гг.) // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «История». 2013. Вып. 2 (22). С. 77–86.

Сенькина А. Роспись содержания журнала «Книга детям» // Детские чтения. 2012. №1. С. 148–161.